

Плотин

Что же такое прекрасное в телах? Прежде всего, это нечто, чувственно воспринимаемое нами с первого взгляда. Душа наша схватывает его и, распознав, принимает в себя и как бы настраивается на один с ним лад. Душа по природе своей, принадлежа к лучшему разряду сущего, если увидит нечто, родственное себе, или хотя бы его след, радуется и изумляется, принимает в себя и вспоминает и о себе, и обо всем, что ей принадлежит.

Красота для души заключается в том, чтобы уподобиться Богу, ибо оттуда и прекрасное. Так как душа божественна и есть как бы часть прекрасного, то и все вещи, с которыми душа соприкасается и подчиняет себе, она делает прекрасными настолько, насколько они способны приобщиться красоте. Каким же образом, с помощью какого средства кто-либо может созерцать красоту? Пусть тот, кто может, идет и проникает внутрь, оставив снаружи телесное зрение и не обращаясь назад к прежнему блеску и красоте тел. Ибо тому, кто взирает на прекрасное в телах, не следует гнаться за ним, но зная, что оно – образ, след и тень, стремиться к тому, образом чего оно является.

Обратись к самому себе и посмотри. Если же не увидишь красоты в самом себе, поступай подобно скульптору, творящему прекрасную статую: одно он отсекает, другое полирует; одно сглаживает, другое подчищает – пока не добьется своего. Так и ты – удали лишнее! Выпрями то, что криво, очистив темное, сделай его сияющим; и не прекращай обрабатывать свою статую, пока не заблестит перед тобой богоподобная сияющая красота добродетели, пока не узришь мудрость, восседающую в священном чистом величии. Итак, всякий, кто хочет созерцать божественное и прекрасное, пусть прежде сам сделается богоподобным и прекрасным.

Фридрих Шиллер

Могучим ревом наполняет лев звонкую пустыню, и роскошная сила наслаждается бесцельным расходом себя. Насекомое порхает, наслаждаясь жизнью, в солнечном луче, и, конечно, в мелодичном пении птицы нам не слышится крик вождения. Даже в неодушевленной природе мы находим такую расточительность сил и такую неопределенность назначения, которые в этом материальном смысле очень хорошо можно назвать игрою.

Эстетическое творческое побуждение незаметно строит посреди страшного царства сил и посреди священного царства законов третье, радостное царство игры и видимости, в котором оно снимает с человека оковы всяких отношений и освобождает его от всего, что зовется принуждением – как в физическом, так и в моральном смысле.

Только эстетическое государство может сделать общество действительным, ибо оно приводит в исполнение волю целого через природу отдельного индивида. Хотя уже потребности человека и заставляют его жить в обществе, а разум насаждает в нем основы общественности, однако только одна красота может придать ему общественные качества. Только вкус вносит гармонию в общество, так как он создает гармонию в индивиде. Все другие формы представления разделяют человека, ибо они основываются или исключительно на чувственной, или на духовной части его существа; только представление красоты делает человека цельным, ибо оно требует согласия его двух натур. Одна лишь красота делает счастливыми всех, и тот, кто находится под обаянием ее чар, забывает о своем ограничении.

Иммануил Кант

Ньютон все свои шаги, которые он должен был сделать от первых начал геометрии до своих великих и глубоких открытий, мог представить совершенно наглядными не только себе самому, но и каждому другому и предназначить их для преемства. Но никакой Гомер не может показать, как появляются и соединяются в его голове полные фантазии и вместе с тем богатые мыслями идеи, потому что он сам не знает этого и, следовательно, не может научить этому никого другого. Гений – это талант создавать то, для чего не может быть никакого определенного правила, но, наряду с этим, талант гения задает правило всему искусству.

Вкус – это дело не чувственности или чувствительности, это дело суждения, а потому если предмет только нравится, его нельзя назвать прекрасным, так как чувственное удовольствие – это субъективное удовольствие, и каждый из нас является единственным судьей своего собственного удовольствия. Вкус, таким образом, обнаруживает элемент всеобщности, который в эстетическом суждении поднимается над частным характером чувственного удовольствия.

Есть два вида красоты: свободная красота и привходящая красота. Первая не предполагает никакого понятия о том, чем должен быть предмет; вторая предполагает такое понятие и совершенство предмета соответственно этому понятию. Свободная красота независима от какой бы то ни было привязанности к чувственному или моральному интересу, который мог бы заранее определить, чем должен быть предмет.

Георг Гегель

Хотя оригинальность в искусстве поглощает всякую случайную особенность, она делает это лишь для того, чтобы художник мог всецело следовать импульсу и полету своего гения, своего вдохновения, проникнутого исключительно изображаемым предметом, и чтобы вместо каприза и пустого произвола он мог воплотить свою истинную самобытность в предмете, созданным им согласно истине.

Завершенность идеи как содержания является также и завершенностью формы, а недостатки художественной формы в равной мере обнаруживают неудовлетворительность самой идеи. Содержание должно быть в самом себе истинным и конкретным, прежде чем оно сможет найти подлинно соответствующую ему прекрасную форму.

Царство искусства может существовать только там, где истинное схватывается лишь как прекрасное, то есть в чувственной непосредственности, которую понятийный анализ не может разложить. Мы можем находить греческие статуи богов превосходными, а изображения Бога-отца, Христа и Марии достойными и совершенными, – это ничего не изменит: мы все же не преклоним колен. Эти создания как бы требуют от нас, чтобы мы перешагнули через них и пошли дальше, к их смыслу, который есть нечто более широкое, более глубокое, чем эти образы.

Джордж Сантаяна

Красота – это ценность, а не восприятие факта – это эмоция, проявление чувств. Объект не может быть прекрасным, если он никому не может доставить удовольствие. Красота, к которой люди безразличны, – это нонсенс.

Нам нужно прояснить наши идеалы и оживить наше видение совершенства. Наше сознание идеала становится яснее, когда мы продвигаемся в добродетели, и когда наши способности работают с большей энергией и уверенностью. Человек воистину несчастлив, если во всей своей жизни он не имел никакого проблеска совершенства, если в экстазе любви или в наслаждении созерцанием он никогда не мог сказать: «Вот оно!». Вдохновение – источник искусства, чья высшая функция – обновлять эти моменты. Произведение искусства действительно является памятником такого момента, памятником такого видения. И его обаяние зависит от его способности отвлекать нас от обыденности и дарить радость совершенства.

Чувство красоты – это удовлетворение нашего разума, благодаря гармонии между нашей природой и нашим опытом. Когда наши чувства находят то, чего они хотят, когда соответствие между миром и умом совершенно, тогда восприятие – это удовольствие, и наше существование не нуждается в оправдании. Внутренний конфликт исчезает. Нет внутреннего стандарта, который бы отличался от внешнего факта, с которым он может сравниваться. Красота, по-видимому, является самым явным проявлением совершенства и лучшим доказательством его возможности, это обещание гармонии души и природы, и, следовательно, красота является основой нашей веры в превосходство добра.